

Дыхание давно уже перехватило, он хватал ртом воздух, пытаясь хоть как-то дышать. Смахнул тыльной стороной ладони кровь, сочившуюся из рассечённого лба, и бросился вниз по узкой улочке, где заборы, окружавшие дома, казались пугающе высокими. В горле першило и колело, было слишком сухо и отчаянно хотелось пить.

— Хах... хах...

Но страх, что в любую секунду его грубо схватят за волосы и швырнут на землю, придавал силы и гнал вперёд, на слабеющих ногах, шаг за шагом. Он бежал вниз по широкому переулку, по идеально ровному асфальту без единой трещины, и ужасную тишину знакомого и в то же время чужого района нарушал лишь оглушительный стук сердца.

Ограды домов, все как одна, пустые переулки, улицы без прохожих. Все смешалось в одно целое.

Камешки, впивающиеся в босые ступни, лишь на миг проясняли затуманенное сознание.

Сегодня, по идее, Со Хэён не должен был зайти. Вот почему он решил немного расслабиться и поваляться на диване. Лишь когда его схватили за шиворот и скинули с дивана, когда нос учуял его запах... Когда он понял, что пришёл этот ублюдок, было уже поздно.

— Хэвон!..

— Хах...

Бег резко оборвался. От неожиданной остановки его качнуло вперёд, и, пока он ловил равновесие, из-за угла переулка вышел Со Хэён с клюшкой для гольфа в руках. Он ослепительно улыбался. Яркие лучи полуденного солнца озарили лицо Со Хэёна. Отчего казалось, что он лукаво прищурился. Губы растянулись в широкой, до ушей, улыбке.

— А тебе надо было вон туда бежать!

От его радостного, почти безумного выражения лица Хэвона пробрала дрожь. Не раздумывая ни секунды, он развернулся и бросился бежать.

Со Хэён неспешно шёл следом, постукивая по чужим заборам головкой клюшки для гольфа. Его шаги звучали так, будто он вовсе не торопился.

— Если добежишь до дороги, я тебя пощажу! — весело крикнул он.

Услышав его голос, полный смеха, Хэвон вскинул голову. В каких-то двадцати шагах виднелась дорога с ограждением.

— Ха... ха... чёрт... — выдохнул он, задыхаясь.

Не было времени раздумывать над словами Со Хэёна. Каждый шаг, каждое движение ногой отзывалось жгучей, пульсирующей болью. Но он упрямо продолжал двигаться, чуть подволакивая ногу и стискивая зубы.

— Давай, шевели ногам, — прозвучал голос Хэёна где-то за спиной.

Хэвон спотыкался, шатался, но всё равно изо всех сил пытался достичь дороги. Со Хэён чуть ускорился, сокращая расстояние. И, решив, что достаточно, чуть напрягся и упёрся ногой, чтобы замахнуть. Со всей силы вложившись в удар, он, не колеблясь, отпустил рукоятку.

Длинная металлическая клюшка, описав дугу в воздухе, с силой врезалась Хэвону под колени, заставив ноги моментально подкоситься. Хэвон, не успев издать ни звука, рухнул на колени, а затем неловко покатился по асфальту.

— Кх!.. — вырвался из него хриплый звук.

Хэвон, повалившись грудью на асфальт, закашлялся. Колени и локти сильно саднило, а через мгновение на коже выступили мелкие капли крови. Он лежал, не в силах подняться, дрожа всем телом. Со Хэён неспешно подошёл к нему, присел на корточки и начал осторожно гладить его влажный от пота затылок.

— Не добежал, да? — произнёс Хэён мягко.

Пальцы, скользившие по волосам, вдруг сжались в кулак. Со Хэён схватил Хэвона за волосы и поднял с асфальта. Там уже алели кровавые пятна. Хэвон, зная, что это бесполезно, ухватился за его крепкое запястье и снова забормотал уже знакомые слова:

— Хэ... Хэён... Я не могу... Не могу больше...

— Ты так хорошо справлялся, а потом вдруг устраиваешь весь этот цирк, — холодно ответил тот.

На этом бессмысленная погоня, которая повторялась раз в месяц, словно какой-то ритуал, завершилась. В этом тихом районе, где никто и никогда не выглядывал наружу, что бы ни произошло, всё снова стихло.

— Ох, а!.. Ах!..

— Внимания захотел, да? Вот поэтому и удираешь постоянно, да?

Раздвинутые, окровавленные бедра... Между ними, с грубой силой, двигался твёрдый член. Каждый толчок бёдрами Со Хэёна отзывался глухим ударом сведённой судорогой спины Хэвона о дверцу шкафа.

Каждый толчок обжигал всё внутри болью, буквально выворачивая наизнанку. Ощущение было такое, будто все внутренности выталкиваются наружу... к этому невозможно было привыкнуть, сколько бы раз это ни происходило.

— Больно... Хэён, больно...

— Тебе же нравится. Когда меня нет, сам, небось, дрочишь? С задницей игрался?

— А... нет... о-ох!..

Длинные пальцы сомкнулись на горле. Со Хэён, вцепившись обеими руками в шею Хэвона, резко надавил. Не сводя глаз с его багровеющего, налитого кровью лица, он с грохотом впечатал его затылок в дверцу шкафа.

— Кх... х...

— Я правильно услышал? Нет?

Задыхающийся Хэвон тщетно царапал его руку короткими, аккуратно подстриженными ногтями, которые и поцарапать-то толком не могли. Не ослабляя ни на секунду хватки на его горле, Хэён с силой втолкнул обратно выскользнувший член. Длинные ресницы Хэвона задрожали.

— Хэ...Хэё...

— Хэвон... Соврёшь мне ещё раз — убью, честное слово.

Со Хэён, силой раздвинув липкие от влаги стенки, продолжал грубо в него вбиваться, по комнате разносились чавкающие звуки. По щекам Хэвона потекли, одна за другой, слёзы. Не в силах больше терпеть, он беспорядочно задёргался под Хэёном, пытаясь вырваться.

— Уже устал? Может, отпустить?..

— Ха... Ха...

Хэвон, протянув руку к Со Хэён, — который крепко держал его за шею, и вроде бы собирался теперь отпустить, но не отпуская, — робко коснулся его крепкого плеча. Дрожащие пальцы, словно молящие о пощаде, бессильно соскользнули и вцепились в его рубашку. Сквозь застилавшие глаза слезы он увидел растянутые в жуткой ухмылке губы. И в тот же миг рука, сжимавшая горло, медленно разжалась.

— Х-хо!.. Ха-а... Х-хе!..

Жадными глотками он ловил ртом воздух. Грудь Хэвона тяжело вздымалась. Он судорожно сжался на члене, пытаясь отдышаться.

Казалось, он буквально доит член, и обжигающей волной по телу Со Хэёна прокатилось удовольствие, заставив того опустить голову и стиснуть зубы.

— М-м-м... Твоя жадная задница... Такая тесная.

— Х-ха... А-а!

Со Хэён закинул на плечо ногу Хэвона и снова толкнулся внутрь. Из ссадин на коленках всё ещё сочилась. Звук шлепков плоти о плоть разносился по маленькой убогой комнате. Хэвон, со спущенными штанами, зажатый между шкафом и Со Хэёном, изо всех сил старался не потерять сознание, но после побоев и бега это было непросто.

— Ах... м-м...

Со Хэён, глядя на лицо Хэвона, который был на грани обморока, поднял руку и ударил его по щеке.

— Только попробуй отключиться. И я тебе что-нибудь сломаю.

— Д-да...

Едва Хэвон, роняя крупные слезы, успел кивнуть, как Со Хэён грубо, рывком вогнал свой член в него до упора. Внутри уже всё чавкало и хлюпало от спермы и крови.

— Ха... А!..

Ладонью Хэён вдавил голову Хэвона в шкаф, заставляя замереть. Согнув его длинные ноги, он всей тяжестью навалился на скрюченное тело, словно намереваясь вогнать член до самых яичек. Звук шлепков плоти о плоть был громче, чем чавканье.

— Ха-ах!..

Хэвон, впившись пальцами в шкаф, лишь бы не прикасаться к Со Хэёну, извивался и рыдал. Со Хэён, вогнав свой член до упора в самое его нутро, горячее, словно печь, сладко выдохнул. Из дыры, растянутой до предела, медленно потекла сперма. Наслаждение от оргазма схлынуло, и Со Хэён, открыв глаза, снова ударил Хэвона по щеке тыльной стороной ладони, стирая слезы.

— Эй. Ты в себя придёшь вообще?

— Нет, хватит... Пожалуйста, хватит...

— Как будто тебе решать. Смешно...

Отпустив ноги Хэвона, Со Хэён выскользнул из обмякшего тела и с презрением посмотрел на его грязный и липкий пах.

— Кончил, пока тебя душили? Ну ты даёшь... Поразительно просто.

Со Хэён, схватив дрожащего Хэвона за талию, усадил его на себя, приставляя к растянутой и измученной дырочке головку члена. Хэвон, не приходя в себя, тяжело дышал и мотал головой, отталкивал его, уперевшись ладонями в широкую грудь.

— Хэ... Хэён...

— Тише. Расслабься.

Со Хэён одним движением заставил Хэвона опуститься на себя, буквально пронзая его насквозь, и откинулся на стену. Хэвон судорожно вздохнул и резко нагнулся вперёд.

— А-а-ах!..

— Выпрямись, не смей падать.

Со Хэён оттолкнул от себя его понурые плечи и пошарил рукой под кроватью. Наконец достал пачку сигарет, которую всегда держал на одном и том же месте, и заглянул внутрь. Пять оставшихся сигарет при встряхивании сдвинулись в одну сторону. Он вытащил одну, зажал её зубами, а Хэвон, едва державший глаза открытыми, нашарил и вытащил зажигалку, засунутую между матрасом и кроватью. Со Хэён, поглаживая ягодицы Хэвон, на которых остались багровые следы от пальцев, невнятно спросил:

— Думал, я сегодня не приду?

Хэвон зажжёт зажигалку одной рукой, а другой прикрыл появившийся огонёк от несуществующего ветра и слабо кивнул. Со Хэён вытянул шею, прикурил сигарету и глубоко затянулся, затем схватил Хэвона за подбородок и повертел его растерянное лицо из стороны в сторону. Синяки скоро пройдут, но из-за рассечённого лба, похоже, придётся везти в больницу. Он отпустил его подбородок, будто бросил, и затаился.

— Что ж...

С губ Хэвона сорвался жалкий всхлип.

Со Хэён обнял его за талию одной рукой и резко толкнулся бёдрами вверх. Глаза Хэвона, которые то и дело закрывались, распахнулись.

— Больно! Больно, Хэён!..

— Нужно почаще навещать, раз ты так расслабляешься.

Толчками, наотмашь вбивающийся член раздвигал и выворачивал распухшие стенки его измученного нутра. Слезы, было пропавшие, хлынули с новой силой, Хэвона буквально трясло, он весь содрогался от рыданий. Неожиданно, словно гром среди ясного неба, — хлёткая пощёчина обрушилась на его щеку. Голова загудела, словно в пустом барабане, в глазах потемнело от боли.

Резкий удар отбросил его голову в сторону, шея не слушалась, отказываясь повиноваться. Запоздалый, сдавленный стон, полный слёз и боли, вырвался наружу.

— А-ах...

— Хэвон. Ты так и будешь только ныть, что тебе больно?

Его губы были разбиты, из ран сочилась кровь. Но Хэвон часто-часто заморгал, прогоняя темноту, и медленно растянул губы в улыбке. Зубы стиснулись, заскрипели, но он упрямо растягивал уголки губ, изображая подобие улыбки.

— Нет, всё хорошо... Мне... мне хорошо, потому и стону.

— Ещё хоть раз скажешь, что больно...

— Нет-нет, не скажу. Я не буду.

Со Хэён, зло прищурился, совершенно не веря в торопливую ложь Хэвона. Потушив недокуренную сигарету прямо о пол, он грубо схватил его за бёдра. Признак того, что сейчас начнётся по-настоящему. Хэвон нашёл утешение в том, что тлеющий окурок потушили не о его бедре, и судорожно вцепился в шею Со Хэёна.

Зарывшись носом в шею Со Хэён, он вдохнул запах, который теперь вызывал не трепет, а леденящий ужас. Всё глубже и глубже Со Хэён вгонял свой член в разорванную плоть, и из пересохших, стиснутых в судороге боли губ вырывалось частое, сбивчивое дыхание и страдальческие стоны.

Голова шла кругом. Он не понимал, приятно ему или больно. Хэвон потёрся щекой с синяком о крепкое плечо и тихо всхлипнул. У кого спрашивать ответа, на ком лежит ответственность за эти отношения?

Он не знал.